

УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-643-652

**Словоизменительные и словообразовательные функции
категории числа в эрзянском языке**

Е. Ф. Клементьева

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
klementeva.71@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Функционально-семантическая категория числа представляет собой одну из самых неоднозначных категорий. В языках существуют слова, у которых формы единственного и множественного числа не связаны с реальным значением единичности и множественности, поэтому эта категория вызывает интерес у современных исследователей.

Цель: рассмотреть семантические и грамматические особенности категории числа в эрзянском языке и выявить значения, передаваемые формами единственного и множественного числа имени существительного.

Материалы исследования: произведения эрзянских писателей К. Абрамова, А. Арапова, М. Брыжинского, Н. Видяза, А. Доронина, А. Куторкина, А. Моро.

Результаты и научная новизна. В языкознании считается традиционной точка зрения, что категория числа основана на противопоставлении единственного и множественного числа, т.е. она выражает противопоставление одного предмета раздельному множеству таких же предметов. В этом случае данная категория имеет словоизменительные функции. Однако возможности этой категории гораздо шире и разнообразнее, она может передавать и множество других значений.

В соответствии с семантическими изменениями выстраивается целая парадигма значений этой категории. Анализ показал, что форма единственного числа существительного может обозначать единичный предмет из ряда ему подобных, целый класс предметов через одну его часть, какое-то множество как совокупность. Форма множественного числа выражает множественность в различных аспектах. Разделительное множество предметов – основная семантическая особенность этой категории. Кроме того, эта форма может передавать значение собирательной множественности и многосоставности.

Новизна исследования заключается в том, что мы постарались рассмотреть все значения, выражаемые формами единственного и множественного числа в эрзянском языке, и более отчётливо представить семантические аспекты этой категории.

Ключевые слова: эрзянский язык, категория числа, семантика, словоизменение, словообразование, единичность, множественность.

Для цитирования: Клементьева Е. Ф. Словоизменительные и словообразовательные функции категории числа в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 643–652.

**Inflectional and word-formation functions of the category
of number in the Erzya language**

E. F. Klementyeva

*N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
klementeva.71@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the functional-semantic category of number is one of the most ambiguous categories. There are words whose singular and plural forms are not related to the real meaning of singularity and plurality. Therefore, this category is of interest to modern researchers.

Objective: to consider the semantic and grammatical features of the category of number in the Erzya language; identify the meanings transmitted by the singular and plural forms of noun.

Research materials: works by Erzyan writers K. Abramov, A. Arapov, M. Bryzhinsky, N. Vidyaz, A. Doronin, A. Kutorkin, A. Moro.

Results and novelty of the research: in linguistics, the category of number is traditionally based on the opposition of the singular and plural, i.e. it expresses the opposition of one object to a particular set of the same objects. In this case, the category of number has inflection functions. However, the capabilities of this category are much wider and more diverse; it can deliver many other meanings.

In accordance with the semantic changes, a paradigm of the meanings of this category has been developed. The analysis shows that the singular form of nouns can characterize a single object from a series of similar ones, a whole class of objects through its part, and some objects as a set. The plural form expresses plurality in various aspects. The disjunctive set of objects is the main semantic feature of this category. In addition, this form can deliver the meaning of a collective multiplicity and polynuclearity.

The novelty of the study consists in that the authors made an attempt to consider all the meanings expressed by the singular and plural forms in the Erzya language and to represent the semantic aspects of this category more clearly.

Key words: the Erzya language, category of number, semantics, inflection, word formation, singularity, plurality.

For citation: Klementyeva E. F. Inflectional and word-formation functions of the category of number in the Erzya language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (4): 643–652.

Введение

Категория числа – универсальная категория в языках разных систем. Проявляется она прежде всего в имени существительном и глаголе. Целью настоящего исследования является её рассмотрение на примере имени существительного.

Существует большое количество работ в языкознании, в которых рассматриваются различные аспекты категории числа на материале многих языков, затрагивающие вопросы функционирования этих форм в литературных языках и диалектах. В финно-угорском языкознании прежде всего следует назвать работы Б. Коллиндера [23], Д. В. Бубриха об истории развития показателей категории числа и их связи с именами собирательными [4; 7], К. Е. Майтинской о категории двойственного числа и её преобразовании в современных уральских языках [16], П. Алвре о категории числа в историческом освещении в финно-угорских языках [2], а также специальные разделы в работе «Основы финно-угорского языкознания» [18, 219–229]. В мордовском языкознании данная категория также принадлежит к одной из изученных областей морфологии. Она целостно описана в докторской диссертации Д. В. Цыганкина [21], рассмотрена в работах Б. А. Серебренникова [19], Е. Ю. Логиновой [15], Е. Ф. Клементьевой [12; 13; 14], И. В. Качкаловой [11] и других. В последнее время эта категория в сопо-

ставительном плане с русским, английским и французским языками анализировалась в статьях О. В. Заломкина и Е. Д. Полетаевой [10]. Тем не менее, некоторые семантические стороны этой категории остаются не раскрытыми и на сегодняшний день.

В языках чаще всего встречается традиционная точка зрения: морфологическая категория числа – это средство для выражения единичности и множественности. В то же время подобное заставляет усомниться многих лингвистов. Поэтому считаем необходимым рассмотреть все значения, передаваемые формами единственного и множественного числа в эрзянском языке.

В эрзянском литературном языке и его диалектах функционируют две формы числа – единственное и множественное. Единственное число выражается нулевой флексией: *веле* ‘село’, *эйкакш* ‘ребёнок’. Форма множественного числа маркирована суффиксами *-т/-ть*, *-н*, *-к*, каждый из которых имеет свою область применения: *-т/-ть* – употребляются в номинативе основного склонения; *-н* и *-к* – в притяжательном склонении.

Существительное в номинативе единственного числа основного склонения не имеет суффикса, во множественном числе – суффикс *-т/-ть*. В косвенных падежах же формы единственного и множественного числа совпадают. Распознать числовое значение помогают лексические и синтаксические средства. Например: *кавто ялгадо кортынек* ‘о двух друзьях

говорили'. В данном случае на множественное число существительного указывает числительное *кавто* 'два'. Или *ламо велесэ ульнинек* 'во многих сёлах были'. Здесь множественность определяет слово *ламо* 'много'.

В предложении *Отяжке пандось веленть пелеве ёндо карксызе, вансты эйсэнзэ виев кандыловдо-вармадо, кизнат-сёкснят кстыйсэ-эйдялсо каванякшны ды идем умарьсэ* (А. Доронин) 'Гора Отяжке село с северной стороны опоясала, охраняет его от сильных бурь-ветров (букв. бури-ветра), летом-осенью земляничкой-костяничкой (ед.ч.) угощает и дикими яблоками (букв. яблоком)' множественное число предметов определяется контекстом.

В своё время на это указывал Б. А. Серебренников, определяя данное явление как «одну из характерных особенностей мордовских языков, резко отличающей их от остальных уральских языков...» [19, 41]. Учёный утверждает, что раньше формант *-t* не воспринимался как показатель грамматической категории множественности, так как он выражал собирательную множественность.

Отсутствие числовых противопоставлений в формах косвенных падежей основного склонения известный финно-угровед Д. В. Бубрих объясняет тем, что первоначально *-т*-овые формы множественного числа употреблялись только по линии номинатива – в качестве показателя связи сказуемого с подлежащим в числе [6, 34]. К такому же выводу приходит и Д. В. Цыганкин, предполагая, что факт наличия в языках прибалтийско-финской и мордовской ветвей суффикса *-т* в номинативе и отсутствия его в косвенных падежах говорит о древности числовых отношений, которые важны были лишь по отношению к номинативу как связь последнего со сказуемым по линии множественности [22, 9].

Указательное склонение представляют собой прозрачную картину в плане дифференциации числовых форм. Единственное число имеет морфему *-сь* в номинативе, в косвенных падежах – *-нть*, множественное число – *-т-не/-т-нэ*, где *-не/-нэ* являются показателями определённости. Например: *велесь* 'село это/ то', *эйкакшось* 'ребёнок этот/ тот'; *веледенть* 'о селе этом/ том', *эйкакшитонтъ* 'о ребёнке этом/ том'; *велетне* 'сёла эти/ те', *эйкакшитне* 'дети эти/ те'.

С существительными в притяжательном склонении дело обстоит иначе. В этом склоне-

нии обладатель и обладаемое могут быть как в единственном, так и во множественном числе, однако в зависимости от ряда притяжательного склонения числовая дифференциация предметов обладания в эрзянском литературном языке и диалектах проводится не одинаково. Об этом говорят исследователи эрзянских диалектов Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов, утверждая, что «в кодифицированных мордовских языках и во многих диалектах и говорах в некоторых посесивных суффиксах произошло смешение числа обладаемых и обладателей» [1, 248]. Количество обладаемых предметов часто определяется из контекста. *Содамошт, Борис Иванович, седеяк сыредсь-нуваргадсь* (А. Доронин) 'Зять их, Борис Иванович, ещё больше постарел-поник'. *Кальтне комасть лисьмантень ды тарадост венстизь овсе чопода ведентень* (К. Абрамов) 'Ивы склонились к колодцу и протянули свои ветки к совсем тёмной воде'.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили произведения эрзянских писателей (К. Абрамов, А. Арапов, М. Брыжинский, Н. Видяз, А. Доронин, А. Куторкин, А. Моро).

При рассмотрении характеристик категории числа использовались следующие методы: исторический (исследование развития грамматических показателей числа), описательный, с помощью которого анализировалась содержательная сторона этой категории, семантический (характеристика семантических аспектов данной категории).

Результаты

Единичность и множественность в формах единственного числа

Единственное число, обладающее постоянным грамматическим (категориальным) значением, выступает как первый член оппозиции количественного отношения одного и более одного. Его морфологическим показателем является исходная (нулевая) форма имени: *ава* 'мать, женщина', *кудо* 'дом', *веле* 'село' [8, 145].

Форма единственного числа имеет несколько значений:

1) один предмет, событие, явление (единственное раздельительное);

2) какое-то множество через одну его часть, выражающее обобщённое значение (единственное родовое);

3) какое-то множество как совокупность (единственное собирательное).

В рамках этого форма единственного числа существительного выполняет несколько функций, первая из которых словоизменительная, указывающая на единичность и имеющая следующие оттенки значений:

1) указывает на один предмет в ряду однородных или однотипных предметов. Например: *ломань* ‘человек’, *пандо* ‘гора’, *чувто* ‘дерево’. Такие существительные имеют форму как единственного, так и множественного числа в номинативе основного, некоторых рядах притяжательного склонений и во всех падежах указательного склонения. Они составляют в языке абсолютное большинство и имеют бинарную оппозицию «единственное-множественное»: *ломань* – *ломанть* ‘человек – люди’, *пандо* – *пандот* ‘гора – горы’, *чувто* – *чувтот* ‘дерево – деревья’. *Пандыненть ланга касыть пичеть, кузт, алка таркатнева – тумот, пекшеть, укшторт, сирть, селейть ды лия эрва кодамо лопань чувтот* (К. Абрамов) ‘На пригорке растут сосны, ели, в низинах – дубы, липы, клёны, ясени, вязы и другие листовые деревья’.

2) Предмет указан в одном экземпляре, он единственный в своём роде. В этот состав входят собственные имена: антропонимы, топонимы, названия предметов, которых не может быть больше чем один, они указывают только на единичный предмет, например: *Степан Эрзя, Саранск, Рав* ‘Волга’, *менель* ‘небо’, *чи* ‘солнце’ и т. д. *Чись кепететьс уш верев, апак капиша топавтсь эсь тевензэ – эждясь ды эждясь моданть* (А. Доронин) ‘Солнце поднялось уже высоко, не спеша выполняло своё дело – согривало и согривало землю’.

3) Особую группу занимают существительные, которые употребляются только в единственном числе. В разных языках это, как правило, абстрактные, вещественные имена существительные. В эрзянском языке в единственном числе употребляются имена отвлечённые (*ськамочи* ‘одиночество’, *чопода* ‘темнота’), имена небесных тел (*чи* ‘солнце’, *менель* ‘небо’, *ков* ‘луна’), некоторые имена вещественной семантики (*чапакс* ‘тесто’, *сывель* ‘мясо’, *ловсо* ‘молоко’). Но и в этих раз-

рядах нет единообразия. В литературном языке и диалектах мы можем найти множество примеров, где подобные существительные принимают суффиксы множественного числа. *Васоло пандочамаванть цють кармасть тюжалгадомо розтне* (К. Абрамов) ‘Далеко на склоне горы чуть начала коричневеть рожь (мн.ч.)’; *Инечиськак ёвксонь кондямо. Кармат учомонзо – ковонь перть пельсвачодо кирдядызь. А ойть теть, а топот-ловсот, а сюкорнэть* (А. Доронин) ‘И Пасха как сказка. Начинаешь ждать – в течение месяца полуголодным продержат. Ни масла (мн.ч) тебе, ни творога-молока (мн.ч.), ни лепёшек’. По мнению Д. В. Цыганкина, «формы множественного числа в подобных словах по значению не коррелируют с единственным, как бы находятся в изоляции... Иначе говоря, множественное число у таких существительных следует понимать в относительном смысле» [22, 26].

К числу слов, нейтральных к оппозиции единственное-множественное, относятся отвлечённые существительные. По нашим наблюдениям, эти существительные также могут быть маркированы суффиксом множественного числа. Например: *Велесэнть истя кортнекишнеть: уцяскатненъ Верепазось сисемеце менельстэнь явиши* (А. Доронин) ‘В селе так говорили: счастье (мн.ч.) Всевышний с седьмого неба раздаривает’; *Од иенть каршо кемематне вельмить, учат уцяска поровтонть икеле* (А. Арапов) ‘Перед Новым годом вера (мн.ч.) воскресает, ждёшь счастья перед порогом’.

В эрзянском языке единичность имеет такую особенность – быть определённой или неопределённой. Определённость единственного числа выражается:

1) с помощью морфем, которые указывают на категорию определённости: номинатив – *кудо-сь* ‘дом этот/ тот’, генитив – *кудо-нть* ‘дома этого/ того’ и т.д.;

2) с помощью суффикса притяжательности 3-го лица единственного числа *-зо/-зэ*. Этот морфемный элемент, употребляющийся с существительными, указывает на единичный предмет, иногда может иметь семантику определённости. Например: *Чизэ (букв. чись сонзэ) лиссь* ‘Солнце (букв. солнце его) взошло’; *Вензэ (букв. сонзэ вензэ лангс) лангс тетят-цёрат арсесть* ‘На ночь (букв. на его ночь) отец-сын думали’;

3) с помощью указательных местоимений, которые названный предмет выделяют из подобных предметов и помогают определить его как единичный: *Се кудосонть мон эринь* ‘В том доме я жил’; *Те цёрась солавтызе монь седеем* ‘Этот парень растопил моё сердце’;

4) с помощью лексического значения слова (имени собственного). Имя собственное уже само указывает на какой-то один предмет (человека, город, страну и т.д.) и семантически оно уже определённо. Например: *Таня эри ошсо* ‘Таня живёт в городе’.

При выражении множественности форма единственного числа существительного имеет следующие значения:

1) в зависимости от того, как производится сообщение, она употребляется не только для выражения одного предмета, но и множества предметов одного рода. Это значение, которое выражается контекстуально, и существительное в этом случае выражает целый класс предметов, несмотря на то, сколько всего предметов в этом классе. У имени нет суффикса множественного числа. Хотя речь идёт о множестве предметов и чаще всего тогда, когда оно в качестве второстепенного члена предложения употребляется в форме косвенных падежей или в форме номинатива. Например: *Ойметь ризны, сон вешни ды а муики, таго ломанде (аблатив) кекшни, пелеветь ранги* (А. Арапов) ‘Душа (твоя) беспокоится, она ищет и не находит пути, опять прячется от людей, в полночь ревёт’; *А-а, Алексей Михайлович вечки омбо масторонь ушман* (номинатив) *икеле киштеме* (А. Доронин) ‘А-а, Алексей Михайлович любит перед иностранными воинами плясать’.

Писатели довольно часто в своих произведениях употребляют форму единственного числа для создания образа героя, раскрытия его характера, так как эта форма несёт богатство красок, что позволяет её сравнивать с таким явлением как синекдоха. Например: *Ашназа черь* (Валера), *пухкев чама, алкине, тень кис келей лавтов, ильтициянзо марто кортась виздезь, теке чумоль мейсэяк* (А. Доронин) ‘Беловатые волосы (букв. беловатый волос) (Валера), с пушком на лице, низкорослый, вместе с тем широкоплечий (букв. широкое плечо), со своими провожающими говорил застенчиво, как будто провинился’.

Если отдельное слово не оформлено специфическим показателем для выражения категории множества, то это не значит, что его содержание не включает в себе этой категории [17, 82–83].

Выражение множества предметов формой единственного числа слова было уже в прафинно-угорском (даже прауральском) языке [18, 220]. Выражение множества суффиксальным способом появилось позднее. Так, в прибалтийско-финских и мордовских языках множественное число образовалось для согласования подлежащего и сказуемого [7, 63]. И в современном состоянии эрзянский язык является показателем того, что форма единственного числа указывает на множество предметов. Примером тому, как мы уже говорили, является основное (неопределённое) склонение, в котором числовые особенности распознаются только в номинативе, в косвенных падежах же совпадают.

2) Если существительное имеет форму номинатива, то оно является подлежащим и выражает значение собирательности. По мнению Т. М. Тихоновой, в эрзянском языке существительное в этом значении чаще всего маркировано морфемой определённости, которая берёт на себя функцию обобщения. Она считает, что именно морфемы определённости в данном случае несут обобщающий оттенок: «Подобно артиклям западноевропейских и венгерского языков, они (морфемы определённости) имеют и обобщающее значение. Например, эрз. *ломанесь – природанть азорозо*, мокш. *ломанць – природать азороц* – ‘человек – хозяин природы’. В данном предложении существительные с морфемами определённости эрз. *ломанесь*, мокш. *ломанць* ‘человек’ обозначают всех людей и каждого человека в отдельности» [20, 118]. И в этом случае автор отмечает, что употребление морфем определённости с обобщающим значением распространяется и на имена существительные во множественном числе, когда словоформа обозначает все предметы данного класса.

На наш взгляд, собирательное значение может выражаться формами единственного числа существительных как с морфемами определённости, так и без них. И это контекстуальное собирательное значение [12, 24–25]. *Ломанесь – нармунь, кона эсь мельтнесэ ливтни менельга, сонсь яки мода ланга* (А. Доронин)

‘Человек – птица, которая в мыслях летает по небу, а сама ходит по земле’; *Эрзянь семиясо ульнесь истямо кой: тонадсь эйкакишось пенчень кирдеме – тонавтт тевс* (А. Моро) ‘В эрзянской семье была такая традиция: научился ребёнок ложку держать – учи делу’.

В связи с этим сравним у О. Есперсена: «В действительности для обозначения подобного понятия (всеобщее число) языки употребляют то форму единственного числа, то форму множественного числа; причём артикль может быть и определённым, и неопределённым, а может и вообще отсутствовать» [9, 235].

В уралистике есть понятие неопределённого числа, о котором в своих работах упоминают многие учёные (Л. Хонти [24], П. Равила [26], Э. Итконен [25] и др.). Неопределённое число, по форме напоминающее единственное, используется, по их мнению, тогда, когда множество кого/ чего-либо преподносится как единичность или собирательность.

Единичность и множественность в формах множественного числа

Форма множественного числа в эрзянском языке также полифункциональна. Она выражает несколько значений множественности:

1) разделительная или дистрибутивная множественность, которая указывает, что тот или другой предмет даны в количестве более одном, при этом предметы подразумеваются как однородные, а сама множественность не завершённая;

2) собирательная или обобщающая множественность, которая определяет предметы как некую единичность, при этом она завершённая;

3) может выражать одиночный предмет, если тот отличается от остальных своей многосоставностью.

Как мы уже отмечали, в современном эрзянском языке есть три морфологических показателя множественного числа: *-т/-ть*, *-н*, *-к*, при этом каждый из них имеет своё употребление. Суффикс *-т* (и его вариант *-ть*) употребляется в номинативе основного и во всей парадигме указательного склонения; суффиксы *-н* и *-к* – только в притяжательном склонении. Суффикс *-т/-ть*, являясь постоянным показателем множественного числа (эту функцию он выполняет как в глагольных, так и местоименных формах), присоединяется почти ко всем существительным. Он употребляется для выражения

различного типа множеств: и разделительной, и собирательной. В эрзянском языке по сравнению с другими связь между двумя этими типами была более тесной. Так, по мнению Д. В. Бубриха, *-т*-овые образования форм множественного числа представляют собой имя с собирательным значением, первоначально этот формант воспринимался как показатель собирательной множественности [7, 67].

Таким образом, форма множественного числа с суффиксом *-т/-ть* указывает на:

1) разделительное множество количественно неисчислимых предметов. Форма множественного числа указывает на количество, вместе с тем держит их по отдельности, не давая им быть одним целым. В этом видна цель автора – указать неопределённое множество. Например: *Важодть, путт кудо, вечть, кастт-тряк эйкакишт, ульть куломазот велень эрицякс. Кирдть кардазпотмо реветь, скалт, тувот, саразт, мекишь, путнек пуре модамарть, озавтнек капстат, чурькат... Мезень беряньсь тень эйтэ?* (Нуянь Видяз) ‘Работай, построй дом, люби, воспитывай детей, будь до кончины сельским жителем. Держи целый двор овец, коров, свиней, кур, пчёл, сажай целый огород картошки (мн.ч.), капусту (мн.ч.), лук (мн.ч.). Что в этом плохого?’;

2) собирательное множество предметов. «Множественное число, получая значение чего-то воедино собранного, соединённого или сомкнутого целого, носит на себе оттенок нового имени, собирательного, а иногда прямо переходит в новое имя» [9, 215]. *Эмежтне аволь ве шкасто кенерить, эрванть сонсензэ шказо, – прок онкстнесь валтнэнь Торай* (А. Моро) ‘Овощи не в одно время созревают, у каждого своё время, – как будто взвешивал слова Торай’.

Так, например, при именах собственных *-т(-ть)* обозначает либо отдельных представителей данного множества, но объединённых каким-то общим признаком или действием, или же наряду с конкретными лицами указывает на другие лица, которые сопровождают его. *Нефёдовтне ...капшазь пурнызь цёрынест ды састыне лиссть кудынестэнтъ* (А. Моро) ‘Нефёдовы ... торопливо собрали своего сына и тихонько вышли из домика’.

В форме множественного числа имена собственные называют одного из соответствующей группы лиц и содержат общее указание на

остальных членов этой группы, среди которых находится наименованный член. *Но сех мазыть Усят, Кулят, – уш сындест вадрякс а улят* (А. Куторкин) – ‘Но красивее всех Устя, Куля, – уж лучше них не будешь’. Это же значение может передаваться парным сочетанием. Если в пару объединяются фамилии или уличные названия домов, то подразумеваются все члены семьи, носящие эти фамилии. *Нужат-Валдайткак ломанькс вастыть пиже Троицянть* (А. Куторкин) – ‘И Нужины-Валдаевы по-людски встречают зелёную Троицу’.

Форма множественного числа может передавать значение собирательности у существительных, называющих людей по национальности, профессии, роду занятий, социальному положению и т. п. *Ламо шка ютась эрзятнень ды мокшотнень «лемдемадост» мейле, ёмасть масторчамастонть миненек лемень максыцянок – мерятне...* (М. Брыжинский) ‘Много времени прошло после «крещения» эрзян и мокшан, пропали с лица земли те, кто дал нам имя – меряне...’; *Колмо сурсо озноманть каршо стясть аволь ансяк кезэрень койтнень идицяст – бояртнэяк* (А. Доронин) ‘Против троепёрстного моления восстали не только защитники древних традиций – даже бояре’. Но данная форма может передавать некоторое количество и отдельных представителей того или иного рода. Например: *Теке марто, сынъ ве ёнксонъ эрзят, тиринь велест шабрацек аитить* (А. Доронин) ‘Вместе с тем, они эрзяне с одной стороны, их деревни рядом (букв. в соседях) находятся’.

3) В эрзянском языке есть слова, которые в форме множественного числа указывают на сложные предметы: многосоставные или парного состава. С точки зрения семантики эти имена состоят из многих частей, они все одного рода и одинаковы между собой. Например: *ярмакт* ‘деньги’, *пенгеть* ‘дрова’, *сельведеть* ‘слёзы’, *пейть* ‘зубы’. Форма единственного числа таких существительных указывает на одну единицу, входящую в это количество: *ярмак* ‘денежка’, *пенге* ‘полено’, *сельведь* ‘слеза’, *пей* ‘зуб’. *Приказчикесь кепедизе ярмаконтъ, ваннызе-токилизе – алкуксонь-арась сон* (А. Доронин) ‘Приказчик поднял денежку, посмотрел-потрогал – настоящая-нет она’.

Широкое распространение в языке получили также именные парные слова с компонентом *-т (-ть)*. Особенно большое количество

их в пределах имени существительного. Парные имена существительные типа *пенчть-вакант* ‘посуда’, *понкст-панарт* ‘бельё’, *алкст-прялкт* ‘постель’ в эрзянском языке представляют относительно свободные сочетания двух имён существительных, обозначающих, как правило, предметы или понятия одного порядка. В них каждый из компонентов сохраняет своё собственное значение, но в совокупности они выражают единое понятие с собирательным или с обобщающим значением: *кедть-пильгеть* ‘конечности’ (*кедь* ‘рука’ + *пильге* ‘нога’), *тетят-ават* ‘родители’ (*тетя* ‘отец’ + *ава* ‘мать’). Оба компонента именного парного слова объединяются по способу сочинения и к каждому из них присоединяется суффикс *-т (-ть)*, имевший, по мнению некоторых авторов, первоначально собирательное значение [5, 77; 19, 42].

Д. В. Цыганкин именно этот суффикс рассматривает как особый показатель собирательности [21, 33]. Но, с точки зрения Р. В. Бабушкиной, данное значение может передаваться как сочетаниями имён, стоящими в форме множественного числа с суффиксом *-т (-ть)*, так и сочетаниями, стоящими в форме единственного числа (не оформленными этим суффиксом) [3, 33]. На наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователя. Действительно, в художественной литературе, разговорной речи мы встречаем подобные примеры. – *Мон инжеск эзия тердтне. Паряк, киш-сал кандомаль тензэ?!* (А. Доронин) ‘– Я в гости его не приглашала. Может, хлеб-соль надо было принести ему?!’.

Обсуждение и заключение

Таким образом, категория числа в эрзянском языке многофункциональна, примеры позволяют показать многоаспектность данной категории. Формы единственного и множественного числа не всегда связаны с их реальным значением единичности и множественности. Так, форма единственного числа может указывать на один предмет из числа ему подобных, совокупность предметов (собирательность), на родовое значение через единичный член. Форма множественного числа также полисемантична. Она выражает значение разделительной и собирательной множественности предметов, а также значение многосоставности.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Система посессивных суффиксов эрзянских говоров сёл Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica* Liv. 2018. № 4. С. 241–258. URL: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.4.01> (дата обращения: 10.07.2019).
2. Алвре П. Историческая грамматика финно-угорских языков. Тарту: ТГУ, 1983. 88 с.
3. Бабушкина Р. В. Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков // *Актуальные вопросы мордовского языкознания*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 21–35. (Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики: Серия лингвистическая. Вып. 94).
4. Бубрих Д. В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // *Учёные записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. Вып. 2. С. 47–80.
5. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 265 с.
6. Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 186 с.
7. Бубрих Д. В. Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках // Г. М. Керт. Дмитрий Владимирович Бубрих. Очерк жизни и деятельности. Л.: Наука, 1975. С. 61–102.
8. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Под ред Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд. Мордов.ун-та, 1980. 430 с.
9. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
10. Заломкин О. В., Полетаева Е. Д. Своеобразие категории числа в русском, английском, французском, мордовских языках // *Новая наука: от идеи к результату*. Уфа: Агентство международных исследований. 2016. № 1-3. С. 103–112.
11. Качкалова И. В. Множественное число в эрзянском и финском языках: категория имени: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2007. 18 с.
12. Клементьева Е. Ф. Категория собирательности в эрзянском языке. Саранск: Красный Октябрь, 2003. 79 с.
13. Клементьева Е. Ф. О грамматическом статусе образований на -нек в эрзянском языке // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8. № 4. С. 625–630.
14. Клементьева Е. Ф. Особенности употребления числовых форм имени существительного в эрзянском языке // *Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Международного симпозиума*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 50–53.
15. Логинова Е. Ю. Способы выражения категории количества в эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 216 с.
16. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 202 с.
17. Меновщиков Г. А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // *Вопросы языкознания*. 1970. № 1. С. 82–88.
18. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 480 с.
19. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 389 с.
20. Тихонова Т. М. Морфемы определённости с обобщающим значением // *Финно-угристика*. Саранск: Красный Октябрь, 1979. Вып. 2. С.117–124.
21. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. 104 с.
22. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2015. 284 с.
23. Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1960. 416 p.
24. Honti Laszlo. *Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Budapest: Akad. kiadó, 1993. 356 s.
25. Itkonen E. *Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache* // *Ural-Altische Jahrbücher*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd 34. S. 187–210.
26. Ravila P. *Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen* // *Finnish-ugrische Forschungen*. 1941. № 27. S. 1–136.

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Sistema posessivnykh suffiksov erzyanskikh govorov sel Novomalyklynskogo rayona Ulyanovskoy oblasti* [The possessive suffix system of the Erzya dialects in the villages of Novomalyklynsky

District in Ulyanovsk Oblst]. *Linguistica Uralica Liv* [Linguistica Uralica Liv], 2018, no. 4, pp. 241–258. Available at: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.4.01> (accessed July 10, 2019). (In Russian)

2. Alvre P. *Istoricheskaya grammatika finno-ugorskich yazykov* [Historical grammar of the Finno-Ugric languages]. Tartu: TGU Publ., 1983. 88 p. (In Russian)

3. Babushkina R. V. *Sposoby vyrazheniya kategorii sobiratelnosti v sisteme volzhsko-finskikh yazykov* [The ways of expression of the category of collectiveness in the system of the Volga-Finnish languages]. *Aktualnye voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Actual problems of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1988. pp. 21–35. (*Trudy Mordovskogo NII yazyka, literatury, istorii i ekonomiki: Seriyalingvisticheskaya. Vyp. 94* [Works of the Mordovian Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Economics: Linguistic Series. Vol. 94]). (In Russian)

4. Bubrikh D. V. *Sravnitel'naya grammatika finno-ugorskich yazykov SSSR* [Comparative grammar of the Finno-Ugric languages in the USSR]. *Uchyonye zapiski LGU. Seriya vostokovedcheskikh nauk* [Scientific notes of Leningrad State University. Series of Oriental Studies]. Leningrad: Izd-vo LGU Publ., 1948. Vol. 2. pp. 47–80. (In Russian)

5. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 265 p. (in Russian)

6. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka* [Historical morphology of the Finnish language]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR Publ., 1955. 186 p. (In Russian)

7. Bubrikh D. V. *Proiskhozhdeniye imennogo slovoizmeneniya v finno-ugorskich yazykakh* [The origin of noun inflexion in the Finno-Ugric languages]. *G. M. Kert. Dmitry Vladimirovich Bubrikh. Ocherk zhizni i deyatelnosti* [G. M. Kert. Dmitriy Vladimirovich Bubrikh. Essay of life and work]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. pp. 61–102. (In Russian)

8. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Ed. by D. V. Tsygankin. Saransk: Izd. Mordov. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)

9. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moscow: Izd-voinostr. lit. Publ., 1958. 404 p. (In Russian)

10. Zalomkin O. V., Poletayeva Ye. D. *Svoyeobraziye kategorii chisla v russkom, anglyskom, frantsuzskom i mordovskikh yazykakh* [The specific features of the category of number in the Russian, English, French and Mordovian languages]. *Novaya nauka: ot idei k rezultatu* [New science: from idea to result]. Ufa: Agentstvo mezhdunarodnykh issledovany Publ., 2016, no. 1–3, pp. 103–112. (In Russian)

11. Kachkalova I. V. *Mnozhestvennoye chislo v erzyanskom i finskom yazykakh: kategoriya imeni* [The plural number in the Erzya and Finnish languages: the category of noun]. Saransk, 2007. 18 p. (In Russian)

12. Klementyeva Ye. F. *Kategoriya sobiratelnosti v erzyanskom yazyke* [Category of the collectiveness in the Erzya language]. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2003. 79 p. (In Russian)

13. Klementyeva Ye. F. *O grammaticheskom statuse obrazovanyina -nek v erzyanskom yazyke* [About the grammar status of the words with -nek in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 625–630. (In Russian)

14. Klementyeva Ye. F. *Osobennosti upotrebleniya chislovykh form imeni sushchestvitelnogo v erzyanskom yazyke* [Features of the use of numerical forms of the noun in the Erzya language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzhya: aktualnye problem morfologii i sintaksisa: materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Language contacts of the peoples of the Volga region: actual problems of morphology and syntax: materials of the IX International Symposium]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 2014. pp. 50–53. (In Russian)

15. Loginova Ye. Yu. *Sposoby vyrazheniya kategorii kolichestva v erzyanskom yazyke* [The ways of expression of the category of number in the Erzya language]. Saransk, 2001. 216 p. (In Russian)

16. Maytinskaya K. Ye. *Istoriko-sopostavitelnaya morfologiya finno-ugorskich yazykov* [Comparative historical morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 202 p. (In Russian)

17. Menovshchikov G. A. *Sposoby vyrazheniya edinichnosti i mnozhestvennosti v yazykakh razlichnogo tipa* [The ways of expression of singularity and plurality in the languages of different types]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 1970, no. 1, pp. 82–88. (In Russian)

18. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskich yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistic. Issues of genesis of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 480 p. (In Russian)

19. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)

20. Tikhonova T. M. *Morfemy opredelyonnosti s obobshchayushchim znacheniyem* [Morphemes of definiteness with generalizing meaning]. *Finno-ugristika* [Finno-Ugric Studies]. Saransk: Krasnyj Oknyabr Publ., 1979. Vol. 2. pp. 117–124. (In Russian)

21. Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [The grammar categories of noun in the dialects of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. 104 p. (In Russian)

22. Tsygankin D. V. *Mordovskiye yazyki glazami lingvista-finnougroveda* [The Mordovian languages from the point of view of the specialist in Finno-Ugric study]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2015. 284 p. (In Russian)

23. Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1960. 416 p. (In English)

24. Honti Laszlo *Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Budapest: Akad. kiadó, 1993. 356 p. (In German)

25. Itkonen E. Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. *Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd. 34. pp. 187–210. (In German)

26. Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen. *Finnish-ugrische Forschungen*, 1941, no. 27, pp. 1–136. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Клементьева Елена Филипповна, доцент кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.
klementeva.71@mail.ru
ORCIDID 0000-0003-0606-7110

ABOUT OF AUTHOR:

Klementyeva Elena Filippovna, Associate Professor of Department of the Mordovian languages, N. P. Ogarev's Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st. 68), Candidate of Philological Sciences.
klementeva.71@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-0606-7110